

УДК 82.091

С. С. Митягина

ИДЕЙНОЕ И СЮЖЕТНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ РОМАНА Э. ВОЙНИЧ «ОВОД» НА ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье предпринимается попытка исследовать влияние произведения Э. Войнич «Овод» на творчество молодых писателей первой половины XX века. Автор доказывает, что это влияние носило как идейный, так и сюжетно-художественный характер. Презентуется ряд оригинальных гипотез, ранее не высказываемых исследователями творчества Э. Войнич.

Ключевые слова: «Овод», А. Новиков-Прибой, Дж. Лондон, Н. Островский, П. Бляхин, В. Беляев, Б. Полевой, В. Каверин, Б. Лавренев.

В 2014 г. исполняется 150 лет со дня рождения одной из ярких, но недостаточно оцененных фигур своего времени — британской писательницы, переводчицы и композитора Этель Лилиан Войнич. Ее роман «Овод» признан одним из бестселлеров XX в., но и в последние годы книга не перестает привлекать внимание читателей, о чем, в частности, свидетельствует создание интернет-форумов и сайтов, посвященных Э. Войнич и ее знаменитому произведению. Не только на территории бывшего СССР, где «Овод» был культовой книгой, но и в странах дальнего зарубежья роман продолжает пользоваться популярностью, а личность Э. Войнич — привлекать исследователей своей многогранностью и самобытностью.

Как и ранее, интерес к «Оводу» проявляют китайские читатели, а в 2003 г. совместно китайскими и украинскими кинематографистами был снят одноименный многосерийный фильм. Гостьей его презентации в Посольстве Украины в Пекине стала внучка писательницы Дж. Войнич-Хинтон, прожившая в Китае более 50 лет. Она подчеркнула, что гордится тем, что роман «Овод», переведенный на китайский язык в начале 1950-х гг., по-прежнему невероятно популярен в КНР. По ее мнению, патриотизм, героизм борьбы итальянского народа за независимость и высокие идеалы, присущие персонажам картины, согретые человеческими эмоциями, — это то, что нужно для воспитания молодого поколения и удовлетворения ностальгии старшего [11].

Важно подчеркнуть, что личная и творческая жизнь Э. Войнич не-

Митягина Светлана Сергеевна — заведующий научно-методическим центром организации научной работы и мониторинговых исследований (Хмельницкий областной институт последипломного педагогического образования, г. Хмельницкий), e-mail: shushaseny@mail.ru

© Митягина С. С., 2014

разрывно связана с Россией и русской литературно-художественной традицией. Еще в годы учебы в Берлинской консерватории она заинтересовалась изучением истории, культуры и языков славянских народов, населявших Российскую империю. Под влиянием общения с эмигрантом из России, революционером-народником, литератором С. Степняком-Кравчинским будущая писательница отваживается без средств к существованию поселиться в России, где живет с 1887 по 1889 г. За этот период молодая британка побывала в Москве, Нижнем Новгороде, Пскове, Костроме, путешествовала по Волге, жила в Санкт-Петербурге. Она работала преподавательницей музыки и английского языка в семье потомков поэта Д. Веневитинова в Воронежской губернии. Позже, вернувшись в Англию, Э. Войнич стала активной сотрудницей Фонда вольной русской прессы, организованного русскими политическими эмигрантами-народниками в Лондоне с целью издания и распространения запрещенной в России литературы. По мнению исследователя Э. Кука, она была «выдающейся фигурой не только на поздневикторианской литературной сцене, но и в кругу русских эмигрантов» [5, с. 35].

Высочайший уровень владения русским языком и понимание особенностей славянской ментальности позволили британке подготовить и опубликовать англоязычные переводы отдельных произведений М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Н. Успенского, В. Слепцова, А. Островского и М. Салтыкова-Щедрина. Только после этих литературных опытов Э. Войнич отважилась приступить к самостоятельному писательскому творчеству, причем многие русские темы, мотивы и аллюзии обозначили своеобразие ее художественного метода и стиля.

Несмотря на многолетнюю популярность «Овода», на весомые заслуги Э. Войнич как переводчика и популяризатора русской литературы в англоязычном мире, литературных источников, посвященных ее жизни и творчеству, на удивление мало. Этот факт объясняется, вероятно, тем, что «Овод», получив в советский период искаженную интерпретацию, активно использовался идеологической машиной в качестве пропагандистского и воспитательного средства. Идеи произведения намеренно искажались, а биография его автора не только «корректировалась», но и замалчивалась, поскольку жизненный и творческий путь Э. Войнич не соответствовал тому образу, который искусственно создавался для советского читателя.

Таким образом, круг научных исследований жизни и творчества Э. Войнич крайне ограничен, причем большинство материалов российских и украинских авторов представляют данные, почерпнутые из работ ведущего исследователя биографии и творческого наследия британской писательницы – литературоведа Евгении Таратуты. В советский период некоторые аспекты литературного наследия Э. Войнич исследовали Н. Курдюмов, В. Полек, Н. Трапезникова, Т. Шумакова и др. К сожалению, большинство работ советских авторов страдали определенными идеологическими штампами, присущими общественной науке того времени.

В последние годы разные аспекты биографии и творчества Э. Войнич изучают Т. Дудина (анализирует приемы изобразительного искусства в романе «Овод»), Н. Игнатьева (исследует модальные средства в языке романа «Овод»), А. Миронов (рассматривает мифологические параллели в произведениях «Девяносто третий год» В. Гюго и «Овод») и др., а в американской и европейской научной среде интерес к личности Э. Войнич проявляется прежде всего в работах П. Блевинс (включает рассмотрение биографии Э. Войнич в исследование жизненного и творческого пути М. Скотт, Р. Черчилля и Дж. Кеннеди (главным образом сосредотачивают внимание на Манускрипте Войнич).

На общем фоне малоизученности творческого наследия Э. Войнич практически не исследованным остается вопрос о ее вкладе в развитие мировой литературы и, в частности, о влиянии автора «Овода» на других писателей.

Новизна нашего исследования заключается в попытке определить влияние Э. Войнич, в частности, ее романа «Овод», на творчество молодых писателей первой половины XX в. Известно, что Е. Таратута в свое время рассматривала вопрос идейного влияния «Овода» на становление характеров выдающихся исторических личностей советского периода. Перед нашим исследованием ставится иная задача: не ограничиваясь анализом идейного влияния творчества Э. Войнич на писателей первой половины XX в., выявить в их произведениях проявления «подражания» автору «Овода» в сюжетно-художественном плане. При этом впервые в круг авторов, чьи произведения подвергаются анализу на предмет выявления возможного влияния со стороны Э. Войнич, входят А. Новиков-Прибой, Б. Лавренев, Дж. Лондон. Также предпринят сопоставительный анализ произведений «Овод» и «Как закалялась сталь» Н. Островского.

Итак, цель статьи – выявить, в произведениях каких авторов наблюдается осязаемое идейное и сюжетно-художественное влияние Э. Войнич, а именно ее романа «Овод», и в каких аспектах это влияние находит выражение.

Известно, что псевдонимом «Авадзень» – белорусским эквивалентом слова «овод» называл себя поэт Тишка Гартный (1887 – 1937). Детская писательница Л. Ямщикова (1893 – 1978) публиковалась под псевдонимом Арт. Феличе (сокращение от Артура и Феличе). Один из героев «Чаша гладиатора» Л. Кассиля (1905 – 1970) в своем школьном сочинении «Моя любимая книга» пишет о романе «Овод». Значительную роль образ Ривареса играл и в жизни знаменитого писателя и журналиста Б. Полевого (1908 – 1981). В свое время роман произвел на него столь сильное впечатление, что он использовал имя его главного героя в качестве псевдонима и первые свои статьи подписывал «Б. Овод». Это далеко не полный список советских писателей, ощутивших влияние романа «Овод» на формирование собственного характера и мировоззрения и выразивших любовь к Артуру-Риваресу в своем творчестве.

Представляется возможным предположить, что значительную роль роман «Овод» сыграл в жизни и творческом становлении известного советского писателя А. Новикова-Прибоя (1877–1944). В своем романе «Цусима» (1932 г.) он неоднократно упоминает «Овода». Так, согласно сюжету, в 1904 г. главного героя произведения Новикова приглашает в свою каюту офицер – инженер Васильев, который предлагает ему прочесть роман Э. Войнич. Привыкший с недоверием относиться к начальству, особенно к представителям офицерского корпуса, Новиков так передает сомнения своего героя: «Я все время думал о Васильеве. Что он за человек? Почему он так резко высказался о недочетах нашей эскадры? И почему он подsunул мне книгу, какую ни один офицер не стал бы рекомендовать нашему брату?» [9, с. 77]. В дальнейшем герой Новикова приходит к выводу, что, предлагая ему прочесть «Овода», Васильев проверял его надежность и восприимчивость к революционным идеям.

И сам А. Новиков-Прибой в молодости находился под большим впечатлением от образа Овода и его жизненной философии. Можно предположить, что он входит в число писателей, которые, восхищаясь невероятной притягательностью и обаянием образа Ривареса, пытались подражать ему и стремились выявить сходство между собой и Оводом. Свое родство с любимым героем писатель видит в активной публицистической деятельности, направленной на разоблачение церкви, в долгой вынужденной эмиграции; в службе матросом на судах торгового флота и т. д.

Роман «Цусима» выходил отдельными томами с 1932 по 1935 гг., однако большая его часть была написана в 1905–1906 гг. во время пребывания А. Новикова-Прибоя в японском плену. Таким образом, хотя писатель не стал формально первым автором, который ввел в свое произведение упоминание об «Оводе», можно считать, что именно ему принадлежит приоритет среди советских писателей в вопросе об отражении роли Овода в судьбе своего народа и своей личной творческой биографии.

Мы считаем, что влияние «Овода» ощутимо и в творчестве писателя и драматурга Б. Лавренева (1891–1959), а именно в его повести «Рассказ о простой вещи» (1924 г.). События произведения, повествующего о первых годах Советской власти, никоим образом не связаны с сюжетом «Овода», однако целый ряд параллелей позволяет говорить о сходстве не только главных персонажей этих книг, но и некоторых сюжетных линий, а главное – авторских подходов к созданию образов героев-революционеров.

Как и Артур, прожив несколько лет в эмиграции, Дмитрий Орлов возвращается в родные места, чтобы служить делу своей жизни. Как и Овод, он выдает себя за иностранца и живет под вымышленным именем. Он выглядит и ведет себя на людях как франт, что также вызывает ассоциацию с Риваресом. Как и Овод, Орлов-Кутюрье при первой встрече производит на окружающих впечатление человека крайне странного, вызывая в них неприязненное и опасливое отношение. Как и Овод, Орлов пользуется у врагов репутацией пугающего своей фанатичной преданностью делу борца и

талантливейшего оратора: «Орлов Дмитрий. Партиец с шестого года. Фанатичен. Огромное хладнокровие, до дерзости смел. Чрезвычайно опасный агитатор. Исключительная честность» [7, с. 154].

В то же время, и это также сближает его с Риваресом, сам Дмитрий не единожды признается, что ему все труднее владеть собой, что его нервы не выдерживают постоянного напряжения и что «тело может изменить» [там же] даже самому сильному человеку. Как и Овод, Орлов обладает большим артистическим, близким к комическому, талантом. Но этот комизм, напускное шутовство вступают в острый контраст с реальным характером, настроением, состоянием обоих персонажей — глубиной переживаний, трезвостью ума и бесконечной усталостью.

Таким образом, Дмитрий Орлов, как и Риварес, изображается в сочетании почти противоположных характеристик: с одной стороны, это образ сверхчеловека, фанатично преданного делу, обладающего смелостью, граничащей с безрассудностью, невероятной силой воли, способностью к самоотречению; с другой — человек с чувствительной, уязвимой нервной системой, подорванной тяжелыми испытаниями. Оба персонажа представлены в произведениях как кумиры масс, возведенные в ранг идеала революционеры, страдающие в то же время внутренним надломом, ставшим в итоге причиной их провала и ареста.

Стремясь создать не только достойный подражания, но и обаятельный, вызывающий сопереживание и симпатию образ, Э. Войнич вводит в повествование эпизоды, в которых раскрываются трогательные, в чем-то детские привычки и слабости Овода (любовь к дорогим галстукам и ботинкам, а также к цветам). Так и Б. Лавренев демонстрирует читателю несколько интимную сторону легендарного чекиста, например, его мальчишескую любовь к мороженому. Именно этот подход к созданию образа революционера — выстраивание гармоничного сочетания сверхвыдающихся качеств и абсолютно человеческих, живых, трогательных слабостей, без сомнения, особенно роднит Овода и Орлова.

Однако вышеперечисленным доказательства влияния романа «Овод» на создание повести «Рассказ о простой вещи» не ограничиваются. Целый ряд сюжетных линий и сцен не оставляет сомнений во внутренней связи между произведениями Э. Войнич и Б. Лавренева. Так, спор между Орловым и Бэлой во многом напоминает разговор Овода и Джеммы, описанный в первой главе третьей части романа. Не вызывает сомнений также сходство Овода и Орлова в манере держаться на допросах: оба не просто смелы, но дерзки и ироничны в общении с допрашивающими их офицерами. Герои обличают их, бросают им вызов, иногда переходя на изысканно учтивый тон, за которым скрывается насмешка. Оба незадолго до своей гибели предсказывают размах и успех дела, которому служат и ради которого идут на смерть. Оба героя воспринимают свою смерть как важное продолжение своей жизни и дела, которому они себя посвятили. Несмотря на то, что к расстрелу их приговаривает суд (в обоих случаях воен-

но-полевой, поспешный), Овод и Орлов подчеркивают, что смерть — это их выбор, их внутренняя готовность и желание отдать жизнь за победу идеи, в которую они верят.

Оба персонажа, находясь в заключении в ожидании казни, пишут послания, в которых раскрывают важную для себя правду. Оба вызывают симпатию, уважение, восхищение и сочувствие у представителей вражеского лагеря. Герои идут на смерть практически в одном возрасте: Овод — в тридцать три года, Орлов — в тридцать два. И, пожалуй, самое очевидное сходство в сюжетах данных произведений — ситуация ложного обвинения главного героя в предательстве, которое базируется на неверно понятом проявлении его человечности, искренности и чистоты. В обоих произведениях несправедливое подозрение героя в предательстве влечет за собой презрение некогда любившей его женщины.

Отдал дань «Оводу» и автор знаменитой повести «Красные дьяволята» Павел Бляхин (1886—1961). В своем письме к Е. Таратуте писатель рассказывал о том потрясающем впечатлении, которое произвел на него роман, и об огромной роли, которую это произведение сыграло в его идейном становлении [12, с. 276—278]. В автобиографической повести «На рассвете» (1950 г.) подробно рассказывается о том, как он прочел эту книгу. В повести «Красные дьяволята» (написана в 1921 г., издана в 1922 г.) П. Бляхин описывает впечатление, которое «Овод» произвел на главных героев произведения: «Дети прочитали его залпом и были поражены необыкновенным мужеством и самоотверженностью Овода... Чтение этой книги закончилось тем, что Дуняша дала Мише клятву быть такой же самоотверженной, как Овод, и так же, как он, мужественно встретить смерть, если придется погибнуть в борьбе за власть Советов, за свободу. Миша торжественно одобрил клятву сестры и сразу назвал ее Оводом» [2, с. 18].

Упоминание об Оводе, его популярности и значимой роли в процессе формирования молодого поколения присутствует и в творчестве известного писателя В. Беляева (1909—1990), в частности, в трилогии «Старая крепость» (1937—1951 гг.). Согласно сюжету весной 1926 г. Василий Манжура садится в поезд, отправляясь в Харьков, чтобы добиться приема в ВУЦИК и отменить решение о закрытии в городе Каменец-Подольский местного ФЗУ: «Из портфеля я вытащил взятый мною в дорогу интереснейший роман — «Овод» Войнич. Я пообещал самому себе прочесть эту книгу в поезде и даже законспектировать ее, чтобы по приезде выступить на очередном вечере на тему «Что мы нового прочли?»» [1, с. 336].

Есть основания полагать, что определенное влияние «Овод» оказал и на знаменитого писателя В. Каверина (1902—1989), что нашло отражение, в частности, в его романе «Два капитана» (1944 г.). Главный герой произведения Александр Григорьев ориентировочно в марте 1928 г. по окончании школы готовится к поступлению в летное училище и едет из Москвы в родной провинциальный городок Энгс. Накануне отъезда его обвиняют в клевете, что становится причиной разрыва отношений между Григорье-

вым и его любимой девушкой: «В Энке я все время думал о Кате. Среди Саниных книг нашелся «Овод», и, читая этот прекрасный роман, я находил, что история Овода очень похожа на мою. Так же, как Овод, я был оклеветан, и любимая девушка отвернулась от него, как от меня. Мне представлялось, что мы встретимся через четырнадцать лет, и она меня не узнает. Как Овод, я спрошу у нее, показывая на свой портрет:

«Кто это, если я осмелюсь спросить?»

«Это детский портрет того друга, о котором я вам говорила».

«Которого вы убили?»

Она вздрогнет и узнает меня. Тогда я брошу ей все доказательства своей правоты и откажусь от нее» [3, с. 225].

Среди авторов, чье творчество неразрывно связано с «Оводом», особое место занимает Н. Островский (1904–1936). Известно, что тяжело больному писателю во многом придавало сил и мужества стремление быть похожим на избранный им идеал – на Ривареса. Особое отношение Н. Островского к Оводу усиливалось тем фактом, что в разные периоды жизни писателя обнаруживалось значительное сходство между ним и Артуром: унижительная работа в кабаке, вызванный резкими впечатлениями от служителей церкви антиклерикализм, выполнение поручений тайных политических организаций, участие в боевых действиях, ранения и страдания от тяжелых заболеваний.

Мы считаем возможным предположить, что становление Н. Островского как литератора происходило под определенным влиянием писательской манеры Э. Войнич. Вероятно, именно образ Овода вдохновил его на создание книги «Как закалялась сталь» (1934 г.), и, приступая к работе над книгой, Н. Островский как начинающий автор взял за образец роман Э. Войнич. Об этом, в частности, свидетельствует сходство ряда ситуаций. Внутренняя связь между «Оводом» и «Как закалялась сталь», не будучи литературоведчески изученной, тем не менее хорошо ощущается читателем, а образы Овода и Павла Корчагина часто ставятся в один ряд: «Корчагин – Овод – образы, в которых персонифицирована идея самопожертвования, борьбы за идеалы добра и правды» [6, с. 13]. В восприятии многих эти два произведения неотделимы друг от друга. Е. Кошечкина в «Повести о сыне» рассказывает о том, как Олег «без конца перечитывал «Овода» и какое сильное впечатление произвело на него произведение «Как закалялась сталь». «Книги эти стали его звездой путеводной. Он и в мыслях не расставался с их героями. С ними, наверное, и на смерть пошел...» [4, с. 364].

Разумеется, по тематике и направленности «Овод» и «Как закалялась сталь» – произведения разные, однако их объединяет то, что Н. Островский продолжает тему, поднятую Э. Войнич, – создает образ идеального героя-революционера. Подобно Оводу его Павлик Корчагин сочетает в себе черты бойца и мученика, что соответствует каноническому образу православного героя. Как и Овод, Корчагин – явление

уникальное: он проходит через многие испытания, типичные для революционеров, однако практически по всем характеристикам превосходит своих товарищей. Павка является примером для окружающих, в него влюбляются, его обожают или ненавидят, но даже близкие друзья понимают, что не способны достичь его уровня. Как и Овод, Корчагин обладает мощной харизмой, производит на людей в некотором роде магическое впечатление. При этом даже для своей родни и ближайшего окружения он остается загадкой.

Отталкиваясь от образа Ривареса, Н. Островский, однако, по-своему развивает образ идеального революционера. Его Корчагин борется не только оружием и словом (как Овод), но и трудом. Он гораздо более оптимистичен, как оптимистичен и сам писатель: его герой не только не погибает, в отличие от Ривареса, но и преодолевает любые препятствия. Он проходит через бедность, тяжелый труд, унижения, тюремные заключения, предательство, войну, переносит ранения и болезни — все то, что переживал и герой Э. Войнич. Но Корчагин умеет жить не только в экстремальных условиях, но и в мирное время; он не только доживает до победы своего дела, но и постепенно приходит к более рациональному отношению к жизни [10, с. 360–361]. Приходит он и к выводу, что отказываться, как Овод, от личной жизни, мотивируя это необходимостью всецелой отдачи себя исключительно борьбе, было неверным.

Интересно рассмотреть влияние романа «Овод» на творчество еще одного писателя — Дж. Лондона (1876–1916). Произведением, в котором, на наш взгляд, ярко прослеживается внутренняя связь с романом Э. Войнич, является его рассказ «Мексиканец», вошедший в сборник 1913 г. Он посвящен национально-освободительному движению Мексики в начале XX в. Главный персонаж произведения — юноша, который единственной целью своей жизни считает служение революции.

Ассоциацию с произведением Э. Войнич вызывает, во-первых, поразительное созвучие имен и фамилий главных героев: Фелипе Ривера и Феличе Риварес. Если даже при переводе на другие языки эта созвучность остается достаточно яркой, то в оригинале вообще не оставляет никаких сомнений: Felipe Rivera и Felice Rivarez. Во-вторых, как и Овод, Ривера живет под вымышленным именем. Этот факт особенно важен для доказательства нашей гипотезы, поскольку подчеркивает, что его новое имя избрано им самим и отражает сущность характера героя, его миссию. В-третьих, Ривера, подобно Оводу, остается для окружающих абсолютной загадкой: «Никто не знал его прошлого» [8, с. 103]. В-четвертых, несмотря на выдающиеся качества Риверы-революционера, «в Хунте его не любили», как, в свою очередь, Риварес не пользовался теплым отношением со стороны соратников, хотя те и признавали его таланты. В-пятых, как и Овод, Ривера производит на людей отталкивающее и пугающее впечатление уже при первой встрече [там же]. В-шестых, как Овод вызывал у товарищей несколько суеверные чувства, а власти даже приписывала ему дья-

вольскую силу, так и Риверу его ближайшие соратники наделяют следующими характеристиками: «В нем есть что-то нечеловеческое», «В его душе все притушилось. Свет и смех словно выжжены в ней. Он мертвец, и вместе с тем в нем чувствуешь какую-то страшную жизненную силу» [8, с. 105]. И, наконец, сближает Риверу с Оводом и следующая характеристика: «Он – сама революция, ее дух, ее пламя...» [8, с. 106].

Наличие этого ряда фактов не оставляет сомнений в том, что Дж. Лондон сознательно добивался сходства своего персонажа с главным героем романа Э. Войнич. Очевидно, писатель высоко оценил созданный ею образ революционера и увидел в нем идеал борца и образец для подражания. В рассказе «Мексиканец», однако, он не только использовал образ Овода, но в известной степени усилил его: таким, каким Артур стал уже в зрелые годы, Ривера становится в детстве.

Итак, все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы и предположения:

– вклад Э. Войнич в развитие мировой художественной литературы не ограничивается созданием ряда оригинальных произведений, среди которых наиболее выдающимся, безусловно, выступает «Овод»; ее работы, прежде всего «Овод», оказали влияние на творчество других писателей первой половины XX в.; это влияние было идейным, однако в ряде случаев носило также сюжетно-художественный характер;

– влияние «Овода» можно наблюдать в произведениях таких писателей, как В. Беляев, П. Бляхин, В. Каверин, Б. Лавренев, А. Новиков-Прибой, Н. Островский, Б. Полевой и др.; в них можно обнаружить не только упоминание о романе, но и элементы подражания Э. Войнич, а также дальнейшее развитие поднятой писательницей темы;

– роман «Овод» повлиял на творчество Дж. Лондона, который высоко оценил созданный Э. Войнич образ революционера и увидел в нем идеал борца и образец для подражания, в результате чего сознательно добивался сходства героя своего произведения «Мексиканец» с главным героем романа Э. Войнич; он не только использовал образ Овода, но и определенным образом усилил его.

В дальнейшем представляется важным провести более детальный сопоставительный анализ произведений «Как закалялась сталь» и «Овод»; проанализировать другие произведения Дж. Лондона с целью выявления возможного сходства с «Оводом»; расширить круг писателей, в произведениях которых обнаруживается влияние писательской манеры Э. Войнич, в частности, провести сопоставительный анализ «Овода» и ряда произведений М. Горького.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев В. П. Старая крепость: трилогия. Киев: Радянська школа, 1984. 574 с.
2. Бляхина П. А. Красные дьяволята: повесть. Тула: Приокское книжное изд-во, 1979. 95 с.

3. Каверин В. А. Два капитана: роман. В 2 кн. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1979. 368 с.
4. Кошевая Е. Н. Повесть о сыне // Четвертая высота. Повесть о Зое и Шуре. Повесть о сыне / Е. Н. Ильина, Л. Т. Космодемьянская, Е. Н. Кошевая. Киев: Радянська школа, 1984. С. 340–445.
5. Кук Э. Сидней Рейли ST1. В паутине секретных служб. Киев.: НОРА-ДРУК, 2003. 352 с.
6. Кулакевич Л. М. Концепція світу і людини у творчості С. Йовенко: автореф. дис.... канд. філол. наук, за спец. 10.01.01. Дніпропетровськ, 2005. 20 с.
7. Лавренев Б. А. Рассказ о простой вещи // Черноморская легенда. Роман, повести и рассказы. М.: Воениздат, 1987. С. 120–165.
8. Лондон Дж. Мексиканец // Избранное / Джек Лондон. Киев: Выща школа, 1985. С. 103–122.
9. Новиков-Прибой А. С. Цусима. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1986. 656 с.
10. Островский Н. А. Как закалялась сталь. Харьков: Прапор, 1976. 369 с.
11. Танасийчук О. Как китайцы закаляли зори и Овода. Советская киноклассика переживает эпоху возрождения в китайском кинематографе // Киевский ТелеграфЪ. 2005. 27 мая – 2 июня. № 21.
12. Таратута Е. А. Драгоценные автографы: Книга воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1986. 320 с.

* * *

Mityagina Svetlana S.
THE IDEOLOGICAL AND PLOT-ARTISTIC INFLUENCE OF THE NOVEL
«THE GADFLY» BY E. VOYNICH ON WRITERS OF THE FIRST HALF
OF THE XXTH CENTURY

(Khmelnitskiy regional institute of postgraduate pedagogical education, Khmel'nitsk)

The article presents an attempt to investigate the influence of the novel «The Gadfly» by E. Voynich on young writers of the first half of the XXth century. The author proves that the influence had both ideological and plot-artistic character. There are suggested several original hypotheses that have never been offered by other investigators of E. Voynich's works.

Key words: «Gadfly», A. Novikov-Priboy, Jack London, N. Ostrovskiy, P. Blyakhin, V. Belyayev, B. Polevoy, V. Kaverin, B. Lavrenyov.

REFERENCES

1. Belyaev V. P. *Staraya krepost'* (The Old Fortress), Trilogy, Kiev, Radyans'ka shkola, 1984. 574 p.
2. Bljahina P. A. *Krasnye d'yavolyata* (Red Devils), Tula, Priokskoe Book Publ., 1979. 95 p.
3. Kaverin V. A. *Dva kapitana* (Two Captains). In 2 books, book 1, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1979. 368 p.
4. Koshevaya E. N. A Story About a Son [Povest' o syne], *Chetvertaya vysota. Povest' o Zoe i Shure. Povest' o syne* (Fourth height. The Story of Zoya and Shura. The Story of a son), Kiev, Radyans'ka shkola, 1984, pp. 340–445.
5. Cook A. *Sidney Reyli ST1. V pautine sekretnykh sluzhb* (Sidney George Reilly. In a Web of Secret Services), Kiev, NORA-DRUK, 2003. 352 p.
6. Kulakevych L. M. *Koncepcija svitu i ljudyny u tvorchosti S. Jovenko* (The concept of the world and man in the works of S. Yovenko), dissertation thesis ... PhD in Philology Sciences, Dnipropetrovs'k, 2005. 20 p.

7. Lavrenev B. A. Story About Simple Thing [Rasskaz o prostoy veshchi], *Chernomorskaja legenda. Roman, povesti i rassказы*, Moscow, Voenizdat, 1987, pp. 120–165.
8. London Dzh. A Mexican [Meksikanets], *Izbrannoe*, Kiev, Vyshcha shkola, 1985, pp. 103–122.
9. Novikov-Priboj A. S. *Cusima*, Cheboksary, Chuvashskoe Book Publ., 1986. 656 p.
10. Ostrovskij N. A. *Kak zakalyalas' stal'* (How the Steel Was Tempered), Har'kov, Prapor, 1976. 369 p.
11. Tanasijchuk O. *Kak kitaytsy zakalyali zori i Ovoda. Sovetskaya kinoklassika perezhivaet epokhu vozrozhdeniya v kitayskom kinematografe* (As the Chinese Tempered Dawns And Gadfly. Soviet Film Classic Experiencing a Renaissance In Chinese Cinema), Kievskij Te-legraf, 2005, May 27 – June 2, no 21.
12. Taratuta E. A. *Dragotsennye avtografy: Kniga vospominaniy* (Precious Autographs: Book of Memories), Moscow, Sovetskij pisatel', 1986. 320 p.

* * *